

УДК 616.895.8

DOI: 10.17223/17267080/57/7

Д.Г. Дьяков, Н.П. Радчикова, Е.С. Малаховская

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
(Минск, Республика Беларусь)*

Исследование самоидентификации у лиц, страдающих шизофренией: количественный и качественный анализ

Исследование выполнено в рамках научной темы кафедры методологии и методов психологических исследований «Методологические основания современных психологических исследований: теории, методы и эвристический потенциал» (2011–2015).

Целью исследования, представленного в статье, является выявление особенностей процесса самоидентификации у лиц, страдающих шизофренией. Для реализации этой цели с опорой на выстроенную в русле культурно-исторического подхода оригинальную нормативную модель процесса самоидентификации определена ее функциональная структура, включающая три блока: становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию в роли субъекта определенной социокультурной практики; знаково-опосредствованная селекция и ассоциирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории (формирование самоидентификационных конструктов); обеспечение символически-опосредствованного единства в сознании ассоциированных знаком содержаний собственного опыта субъекта (его самоидентификационных конструктов). Разработана экспериментальная методика исследования самоидентификации, содержащая задания, направленные на изучение сформированности соответствующих функциональных блоков. Показано, что функциональная структура самоидентификации у лиц, страдающих шизофренией, обнаруживает существенные количественные и качественные особенности по сравнению с функциональной структурой этого процесса в норме.

Ключевые слова: самоидентификация; знаковое опосредствование; функциональная структура самоидентификации; самоидентификационный конструкт; интегральная идентичность; лица, страдающие шизофренией.

Введение

Проблема идентичности является одной из наиболее обсуждаемых в современной психологии [1, 2]. В последнее время этой проблемой активно занимались как собственно психологи (Х. Тэджфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл, Дж. Марсиа, Ж. Лакан и др.), так и представители непсихологической социогуманистики (Ю. Хабермас, П. Бергер, Т. Лукман, Р. Бурдье, А. Гидденс, Дж. Ури, П. Рикер и др.). В русскоязычной психологии проблема идентичности обсуждается преимущественно в русле когнитивного подхода (А.Р. Аклаев, Н.Л. Иванова, Н.Н. Корж, Е.В. Федорова и др.), где, как правило, речь идет о социальной идентичности психодинами-

ческого подхода с элементами интегративно-эkleктического (А.В. Визигина, И.С. Кон, Ц.П. Короленко, И.А. Толпина и др.), а также с позиций, близких социальному конструкционизму (А.Г. Асмолов, Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко и др.). В.С. Агеев объясняет отдельные явления социальной идентичности в контексте феноменов совместной деятельности групп [3]. С опорой на идеи Н.А. Бердяева, Л.И. Божович, А.В. Петровского выстраивают концепцию личностного самоопределения (содержательно близкого реальности самоидентификации) М.Р. Гинзбург и его последователи (Н.В. Антонова, В.В. Белоусова и др.) [4].

Отдельно следует остановиться на современных отечественных концепциях, включающих построение модели идентичности или предполагающих такую возможность в дальнейшем.

Н.Л. Иванова, опираясь на работы Г. Тэшфела, а также на идеи конструктивистского подхода, определяет социальную идентичность как динамическую прижизненно формирующуюся в ходе активного построения социальной реальности систему социальных конструктов субъекта, которая оказывает влияние на его ценностно-смысловую сферу и поведение [5]. Социокультурная ориентированность автора позволяет ей по-новому рассмотреть структуру социальной идентичности, которая включает в себя ряд компонентов, обеспечивающих сохранение определённости и ориентацию человека в социальных условиях. Компоненты объединены в две основных подструктуры идентичности:

1) подструктура базовых конструктов: идентификация себя как биологического существа, как субъекта деятельности и как субъекта общественных отношений;

2) подструктура характеристик идентичности: когнитивный, аффективный, мотивационный и ценностный компоненты [5].

И.С. Самошкиной разработана модель территориальной идентичности, которую автор рассматривает в качестве разновидности социальной идентичности [6], и предложены структурное и динамическое измерения модели территориальной идентичности. Структурная модель выстраивается в классическом трёхкомпонентном варианте, включающем когнитивную, аффективную и поведенческую составляющие. Выстраивая динамическую структуру идентичности, автор опирается на модель Г. Брейкуэлл, согласно которой динамически социальная идентичность включает в себя четыре процесса: процесс непрерывности, поддержание самооценки, процесс самоэффективности и процесс различения. Эта процессуальная логика переносится автором на выстраиваемую ею модель территориальной идентичности [6].

Разработана модель перспективной идентичности С.А. Минюровой и Л.Л. Плехановой, рассматривающими перспективную идентичность как один из возможных «образов Я в будущем» [7]. Структура перспективной идентичности включает представления о себе в социальном окружении, а также отношение субъекта к себе. Авторы выделяют четыре типа перспективной идентичности: работник, выпускник, студент, вечный студент [Там

же]. Близкую позицию занимает Г.И. Малейчук, рассматривающий самоидентичность как процесс построения человеком своего «образа Я». Автор пытается доказать, что именно самоидентичность является главным критерием психологического здоровья личности [8].

В поле экзистенциального подхода ставит проблему идентичности О.В. Лукьянов, который предлагает рассматривать идентификацию как важный экзистенциальный процесс согласования разновременных, разнородных, а порой и конфликтных форм опыта, обеспечивающий плавность «перехода времен» в сознании субъекта [9]. Согласно О.В. Лукьянову, идентичность нарушается в условиях разрушения пространства бытия, непрерывностей, преемственности, связанности времен (экзистенциальная изоляция), что разрушает и сами времена [10. С. 22].

Н.В. Антонова и В.В. Белоусова, как отмечено выше, рассматривают самоопределение как один из механизмов развития идентичности. Опираясь на идеи Дж. Марсиа и М.Р. Гинзбурга, они создают свою типологию состояний идентичности, включив в нее открытую нестабильную идентичность, закрытую нестабильную идентичность, открытую стабильную идентичность и закрытую стабильную идентичность. Авторы выделяют такие механизмы формирования идентичности, как идентификация, интериоризация и самоопределение [11].

Когнитивно-дискурсивный контекст разработки понятия самоидентификации задается в лингвистической, как ее определяет сам автор, концепции самоидентификации М.А. Лаппо [12]. Так, в рамках модели, разработанной этим автором, самоидентификация рассматривается как имеющая двухкомпонентную функциональную структуру, включающую функции самоотождествления человека с какой-либо группой, классом, типом людей, а также коммуникативную. При этом автор рассматривает самоидентификацию как речевой акт, в котором говорящий дает определение, наименование себя в соответствии со своей принадлежностью к определенной социальной группе. Такое наименование в концепции автора предполагает использование знака как средства маркирования, описания уже сформированной идентичности: «Самоидентификация как вербальное маркирование социальной идентичности имеет сложную структуру...» [13. С. 31] или «Самоидентификация как описание идентичности говорящего...» [13. С. 29].

Вторым структурным измерением самоидентификации в концепции М.А. Лаппо становится выстроенная на основе идей М.А. Щербакова уровневая структура самоидентификации, где в качестве уровней рассматриваются различные формы социальной идентичности (профессиональная, национальная, религиозная, половая). Объективизация описанных уровней идентичности, по мнению автора, как правило, направлена на решение одной из актуальных социально-коммуникативных задач субъекта [12].

Новое состояние проблемы идентичности в условиях развития сети Интернет фиксирует А.Г. Асмолов, который полагает, что Интернет является предпосылкой для восстановления стабильности идентичности субъ-

екта. Социальные сети, по мнению А.Г. Асмолова, становятся неким пространством связей между «узлами личностей», в котором субъект может полностью раскрыть свой внутренний мир таким образом, чтобы появился мотив для создания социальных связей, не выходящих за пределы сети Интернет [14].

Культурно-историческая психология является наиболее объемно и ярко представленной (как в теоретическом, так и в эмпирическом плане) отечественной психологической традицией. В то же время из проанализированных выше современных подходов к идентичности и самоидентификации, выстроенных в логике культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, с определенными допущениями можно отнести лишь модель М.А. Лаппо [12, 13]. При этом концепция, разработанная автором, предполагает одну очень важную особенность, не позволяющую отнести данную модель в полной мере к полю культурно-исторической психологии. Такой особенностью является тенденция к разведению и даже противопоставлению коммуникативной и собственно самоидентификационной функций идентичности. В то же время концепция Л.С. Выготского предполагает, как нам представляется, самоидентификацию (как и любую другую высшую функцию человека) опирающейся на знак и соответственно имплицитно заключающей в себя интериоризированную коммуникацию (аутокоммуникацию) как функциональный инструмент самоидентификации.

Культурно-историческая психология включает в себе и опыт концептуализации отдельных понятий, тесно связанных с проблемой самоидентификации, например, разработку понятия «автобиографическая память» В.В. Нурковой [15].

Следует отметить, что обращение к культурно-исторической психологии позволяет решить ряд методологических проблем исследования идентичности, а также зафиксировать ее процессуальные характеристики и доступные экспериментальной фиксации эмпирические корреляты. Помимо этого, обращение к данному психологическому направлению, принятое нами в рамках настоящего исследования, позволяет определить критерии сформированности процесса самоидентификации, что является особенно важным при изучении развития этого процесса в онтогенезе как в норме, так и у лиц с психическими дисфункциями. Особенно актуальной проблема искаженного формирования идентичности оказывается для лиц, страдающих шизофренией. Патологическое формирование идентичности является одним из ядерных компонентов в клинко-психологической структуре дефекта при этом психическом расстройстве. Так, В.Д. Вид в своих работах отмечает нарушение у больных шизофренией такой подструктуры самосознания, как самооценка. Следствием последнего является формирование искаженного «наличного» и «идеального» образов Я, приводящее к нереалистичному восприятию себя и окружающих, неадекватной оценке собственных возможностей и личных качеств [16]. И.И. Чеснокова отмечает, что при шизофрении нарушается внутренний диалог, в котором личности необходимо оперировать готовыми, сформирова-

рованными знаниями о себе [17]. К. Ясперс указывает, что при шизофрении нарушается активность Я, изменяется осознание принадлежности Я субъекта тех или иных содержаний психического; нарушается осознание им собственной идентичности во времени [18]. А. Кемпинский отмечает, что у больных шизофренией разрушается граница, отделяющая их внутренний мир от мира окружающего, в результате чего возникают два центральных симптома: расщепление Я и аутизм. Я перестает выполнять интегрирующую функцию, утрачивается чувство, что «Я суть Я». Нарушение чувства перманентности идентичности возникает из-за распада интегрирующей функции Я, целое здесь оказывается разрушенным, отсутствует единство Я, но есть множество разрозненных Я [19].

Несмотря на крайне незначительный объем несистематизированных в целом наблюдений, представленные выше свидетельства недвусмысленно указывают на магистральный характер проблем с идентичностью, целостностью Я и его постоянством во времени у больных шизофренией. Получение конкретных экспериментальных данных в этой области, реализованное с опорой на культурно-исторически фундированную модель самоидентификации, позволит определить ее специфику и место этой специфики в структуре психологического дефекта у больных данной категории.

Таким образом, **целью** представленного в настоящей статье исследования становится определение качественных и количественных особенностей функциональной структуры самоидентификации у больных, страдающих шизофренией.

Понятие и функциональная структура самоидентификации. Реализация поставленной цели предполагает построение модели самоидентификации в русле культурно-исторического подхода. Первым этапом в решении этой проблемы является *определение места категории самоидентификации в системе ключевых идей и понятий культурно-исторического подхода.*

Краеугольной идеей Л.С. Выготского, лежащей в основе всей его теории формирования высших психических функций (далее – ВПФ), ее методологическим базисом является идея знакового опосредствования высших форм психической жизни человека [20–22]. Формирование самоидентификации как высшей собственно человеческой функции неизбежно должно опираться на включение субъектом знака в ее структуру в качестве орудия организации само-отождествления. Следующей важной в контексте вскрытия природы самоидентификации идеей является положение Л.С. Выготского о том, что мысль не отражается, но формируется в языке [20]. Продолжая эту линию размышлений Л.С. Выготского, мы полагаем, что *самоидентификация формируется и осуществляется (а не только выражается, как это нередко рассматривают в классических, а также многих современных теориях идентичности, например, в концепции М.А. Лаппо [12, 13]) через апелляцию субъекта к категориям языка.* Человек обращается именно к тем категориям (и стоящим за ними социальным позициям), которые позволяют ему сохранить целостный конструкт себя во времени. Таким образом, самоидентификация формируется в тех языко-

вых категориях, которые фиксируют человека как целое и, что особенно важно, как субъекта определенной протяженной во времени социальной практики. Такие категории формируются в опыте социального взаимодействия людей и отражают направленность, характер и интенсивность его социальных интеракций. *Формируясь первоначально в поле межличностных отношений субъекта и выполняя функцию средств его социальной коммуникации, идентификационные категории становятся далее средством формирования самосознания человека.* Это соотносится с еще одним магистральным принципом развития высших форм психической активности человека, сформулированным Л.С. Выготским: «...Через других мы становимся самими собой», или «...с необходимостью всё внутреннее в высших формах было внешним» [21. С. 144]. Исходя из этого, можно утверждать, что самоидентификация является знаково-опосредствованным не только по сути репрезентации, но и по сути формирования и, как следствие, произвольным психическим процессом, который правомерно тогда рассматривать как процесс, обеспечивающий одну из высших психических функций человека.

В своей работе «Воображение и творчество в детском возрасте» Л.С. Выготский отмечает: «...впечатления или образы, имеющие общий эмоциональный знак, то есть производящие на нас сходное эмоциональное воздействие, имеют тенденцию объединяться между собой, несмотря на то, что никакой связи ни по сходству, ни по смежности между этими образами не существует... Получается комбинированное произведение воображения, в основе которого лежит общее чувство, или общий эмоциональный знак, объединяющий разнородные элементы, вступившие в связь» [23. С. 13–14]. Под этим «общим эмоциональным знаком» исследователями, как правило, понимается символ, выступающий, наряду со знаком, в качестве орудия, опосредствующего познание действительности (см., например, [24]). Эта идея Л.С. Выготского, если допустить, что такое воображение обращается человеком на самого себя, позволяет предположить, что самоидентификация не ограничивается формированием знаково-опосредствованных социокультурных стратегий в сознании субъекта, но продолжается в над-знаковой фиксации символически опосредствованного единства близких в ценностно-смысловом (а значит, и эмоциональном) плане самоидентификационных конструкторов.

«Чувственной тканью», вокруг которой выстраивается представленная здесь нормативная модель самоидентификации, выступает неассоциированный субъективно значимый индивидуально-исторический опыт субъекта. Согласно предлагаемой нами модели в ходе самоидентификации осуществляется интегрирование данного опыта, репрезентация его в сознании субъекта в виде единства нескольких относительно самостоятельных в социокультурном плане индивидуально-исторических перспектив. О связи идентичности и автобиографической памяти (которая вмещает феноменологию чувственного опыта субъекта) пишет, например, автор культурно-исторической теории автобиографической памяти В.В. Нуркова [15].

Итак, структура самоидентификации, реконструированная с опорой на центральные позиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского, должна включать чувственную ткань, выражающую представления человека о субъективно значимых событиях, характеризующих его взаимодействие с внешним миром; знаковую составляющую, обеспечивающую отбор и организацию чувственного опыта, закрепление за этим опытом от-социальной субъектности; символический компонент, обеспечивающий ценностно-смысловое единство знаково-опосредствованных организованностей чувственного опыта¹.

Еще одним важным методологическим принципом Л.С. Выготского, определяющим специфику его подхода к организации психологического познания, как известно, является осуществление анализа психологической реальности не по элементам, но по единицам. Причем условиями эвристической состоятельности единицы анализа психологической реальности у Л.С. Выготского выступали присутствие в структуре такой единицы важнейших признаков анализируемого явления как целого и объективизация в ней единства принципиально разнородных содержаний исследуемой реальности (в этом нашел отражение диалектический метод, апплицированный Л.С. Выготским к выделению единицы анализа психического). Абсолютизация идеи целостности, имплицитно заложенной в представленной выше идее единства принципиально разнородного, присутствует, в частности, в положении о неделимом единстве аффективного и интеллектуального, а также личностного и средового в переживании, а у «раннего» Л.С. Выготского – в идее о значении как о единице анализа сознания. Определяя категорию, которая может стать средством, позволяющим «вписать» реальность, стоящую за процессом самоидентификации, в поле культурно-исторической традиции, мы обращаемся прежде всего к категории переживания, разрабатывавшейся Л.С. Выготским на позднем этапе его научной деятельности. Переживание рассматривалось этим мыслителем в качестве оптимальной единицы анализа психического, «действительной динамической единицы сознания» [22. С. 383]. Л.С. Выготский предлагал рассматривать переживание как внутреннее личностное отношение человека к действительности, осуществляющееся в единстве интеллектуального и аффективного [22]. Продолжая размышления Л.С. Выготского, необходимо тогда говорить о самоидентификации как о переживании человеком едино-субъектности своих манифестаций в мире, т.е. внутреннем личностном (прежде всего ценностно-опосредованном), осуществляемом в единстве интеллектуального и аффективного отношений человека к собственным манифестациям в мире как к явлениям одного

¹ Данный тезис о структурной организованности самоидентификации прямо согласуется с представлением А.Н. Леонтьева о структурном устройстве сознания, которое, в свою очередь, выводится из положения Л.С. Выготского о бытийном и рефлексивном слоях сознания. Так, А.Н. Леонтьев выделял три образующих структуры сознания: чувственную ткань образа, значение и смысл [25].

порядка, имеющим единую сущность, конституированным единой субъектностью.

Поскольку мы опираемся на идею «позднего» Л.С. Выготского о переживании как единице сознания, нам следует аргументировать положение о том, что самоидентификация как феномен сознания оказывается доступной эмпирической фиксации в условиях применения «оптики» переживания. Следовательно, нам необходимо доказать, что самоидентификация воплощает в себе единство личностного и средового, с одной стороны, и интеллектуального и аффективного – с другой. Выше мы показали, что орудием формирования и осуществления самоидентификации (а не только средством ее репрезентации) выступает знак. Аффективно окрашенные представления автобиографической памяти отбираются, обобщаются и организуются в сознании при помощи знака. Единство знака и аффективно окрашенного представления субъекта о собственном взаимодействии с миром является выражением единства интеллектуального и аффективного в самоидентификации как переживании единства субъектности своего опыта. Единство личностного и средового в самоидентификации выражается в том, что знак, являющийся орудием самоидентификации, первоначально направляется на себя с целью фиксации собственной микро-и макросоциальной принадлежности, как правило, детерминированной внешними средовыми запросами и ориентированной на решение предметно-деятельностных задач, и лишь по мере развития сознания ребенка становится средством обобщения, организации и структурирования его собственного чувственного опыта взаимодействия с миром, затребованными самой личностью. При этом соответствующий знак и далее вместе с развитием функции организации самосознания ребенка продолжает выполнять функцию регулирования его внешних социальных внутри- и межгрупповых отношений.

Сформулированное выше положение о социокультурной, знаковой сущности репрезентации чувственного опыта в ходе самоидентификации предполагает необходимость рассмотрения переживания событий индивидуальной истории как осуществляемого в соотношении с матрицей социокультурных ролей и практик, выраженных в соответствующих категориях. Следовательно, самоидентификация выступает как переживание субъектом себя в социокультурном Другом.

Таким образом, в соответствии с выстроенной и аргументированной в этой и, более развернуто, предыдущих работах культурно-исторически фундированной моделью мы предлагаем определять *самоидентификацию как высшую психическую функцию внутреннего личностного знаково и символически опосредствованного отношения человека к событиям индивидуальной истории как к явлениям, конституированным единой субъектностью и составляющим единое индивидуально-историческое целое. Определяя самоидентификацию как **переживание себя** в социокультурном Другом, мы рассматриваем ее в единстве интеллектуального и аффек-*

тивного, личностного и средового, характеризующем, согласно Л.С. Выготскому, переживание [26–28].

Разрабатывая функциональную структуру самоидентификации, мы опираемся на идею Л.С. Выготского о необходимости совмещения структурного и функционального принципов анализа психологической реальности [29], а также на сформулированное выше понятие самоидентификации как высшей психической функции.

Исходя из сформулированного выше понятия, процесс самоидентификации реализуется в трех основных функциях: 1) становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта определенной (реальной или до-воображенной) социальной практики; 2) аксиоматизационно²-детерминированный отбор и интегрирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также представлений о событиях планируемого будущего субъекта при помощи знака (формирование самоидентификационных конструктов); 3) обеспечение символически опосредствованного единства самоидентификационных конструктов, а вместе с ними и социокультурных контекстов, в которых реализуется каждый из таких конструктов, в сознании субъекта, и, как следствие, эмпирическое апплицирование личностных ценностей, а также предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с внешним миром. Эту функцию можно обозначить как функцию формирования интегральной идентифицированности субъекта.

Методы исследования

Настоящее исследование базируется на разработанной с целью его осуществления экспериментальной методике. Методика исследования функциональной структуры самоидентификации больных шизофренией направлена на изучение степени сформированности этой структуры и включает три экспериментальных задания, обеспечивающих исследование состояния каждой из обозначенных выше функций самоидентификации. Исследование осуществлялось по квазиэкспериментальной схеме.

В рамках задания «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации» испытуемому предлагается устно ответить на вопрос «Кто я?». На ответы дается три минуты. Затем ответы записываются и ранжируются по критерию их значимости для испытуемого. После ранжирования остается три ответа, отражающие наиболее значимые для субъекта содержания самоидентификации.

Интерпретация. Формулируемые испытуемыми ответы мы рассматриваем в качестве знаков, фиксирующих определенный тип социальных практик, реализуемых испытуемым и обеспечивающих возможность

² Термин аксиоматизация выводится в рабочем порядке из идей И.М. Розета, который рассматривал анаксиоматизацию и гипераксиоматизацию в качестве механизмов изменения субъективной значимости, лежащих в основе ряда относительно динамичных явлений сознания, таких как переживание комического, эмоциональный катарсис и т.д. [31].

единства индивидуального опыта взаимодействия субъекта с миром. Исследователем анализируется категория, исходя из наличия в ней ориентированности на погружение человека как целого в определенную социальную практику.

Данное задание методики не следует идентифицировать с известной методикой «Кто Я» М. Куна, Т. Макпартленда [30]. Последняя предполагает иные цели исследования (изучение степени рефлексивности личности, самооценки, эмоциональной оценки идентичности, Я-концепции и т.д.), а также иную (по отношению к заданной нами и представленной выше) логику интерпретации. Разработанное нами задание, в отличие от методики М. Куна, Т. Макпартленда, имеет четкую направленность на изучение одного из компонентов функциональной структуры самоидентификации – становления знака в качестве орудия самоидентификации.

Сформированность данной функции оценивается на основании анализа трех ответов, отражающих наиболее значимые для субъекта содержания самоидентификации. Третий (самый высокий) уровень развития самоидентификации предполагает здесь имплицитную заданность в предложенной испытуемым категории модели определенной социальной практики (практик). Примерами ответов такого рода являются категории «спортсмен», «художник», «хулиган», «ученик», «мальчик», «христианин» и т.д. На втором уровне развития данной функции предлагаемые испытуемым категории характеризуются «освобожденностью» от ориентации на реализацию социальных практик и выступают лишь элементами «мозаики» образа собственной личности, существующего в сознании субъекта. Примерами ответов такого рода являются ответы «красивая», «слабохарактерный» и т.д. На первом уровне развития данной функции испытуемый обращается к категориям, апеллирующим к содержаниям его деятельности («я хожу в школу», «играю в теннис», «занимаюсь шахматами в секции»). Нулевой уровень самоидентификации предполагает неспособность выполнить предлагаемую психологом инструкцию (сформулировать хотя бы три ответа или проранжировать ответы на вопрос «кто я?»).

Задание «Исследование самоидентификационных конструктов» предполагает моделирование функции отбора и ассоциирования разрозненной феноменологии осуществленного, а также планируемого взаимодействия субъекта с миром при помощи знака. Задание предполагает реконструирование модели процесса организации субъектом представлений памяти и воображения, охватывающих явления взаимодействия «Я – мир», при помощи знака, выступающего в качестве средства самоидентификации. Данное задание связано с первым заданием и предполагает ориентацию на отобранные испытуемым ранее знаки-орудия самоидентификации. В ходе задания испытуемому предлагается три группы геометрических фигур, каждая из которых выступает внешним объектом-заместителем феноменов взаимодействия субъекта с миром, характеризующего разные периоды жизни субъекта. Для предметной фиксации феноменологии событий прошлого испытуемому предлагается использовать гексаэдры, насто-

ящего – октаэдры, а будущего – тетраэдры. Далее испытуемому предлагается расположить события его жизни, в которых он проявил себя как носитель одной из трех выбранных в рамках первого задания социальных стратегий, в последовательности от прошлого к будущему, а также составить на основе единства этих событий автобиографическое повествование. Такая процедура осуществляется по отношению к каждой из трех выбранных в рамках первого задания категорий.

Интерпретация. Критерием сформированности данной функции является нарративность индивидуальной истории субъекта, формирующейся в ходе знаковой организации соответствующих феноменов чувственного опыта, способность субъекта организовать во внешнем предметном плане связанную соответствующей социальной практикой цепь разнесенных во времени событий взаимодействия с миром, что рассматривается как символическое свидетельство организующей функции знака как средства формирования самоидентификационного конструкта. На втором уровне испытуемый находит в поле своего опыта события, характеризующие его как актора соответствующей социальной практики в различные периоды времени, но оказывается не способен рассматривать эти события в самосознании как содержание единой временной перспективы. На первом уровне испытуемый фиксирует события своей жизни, характеризующие лишь один из ее временных векторов. Наконец, нулевой уровень характеризуется неспособностью испытуемого идентифицировать в сознании события, выступающие коррелятами осмысливаемой социальной практики.

В рамках задания «Исследование интегральной целостности самоидентификации» изучается сформированность интегральной идентичности. Испытуемому предлагается ознакомиться с тремя группами пространственных трехмерных объектов правильной формы (гексаэдры, октаэдры, тетраэдры), обладающих в силу пластичности материала свойством вариативности. Затем ребенку необходимо выбрать грани объектов, на которых он расположит свои ответы, полученные в рамках первого задания (т.е. самоидентификационные категории). Для расположения самоидентификационных категорий испытуемый может выбрать одну, две или три фигуры. Предложенные испытуемым в рамках первого задания ответы записываются психологом на бумаге и прикалываются испытуемым на выбранные им фигуры. Если категории были расположены на гранях одной фигуры, испытуемому также предлагается придать этой фигуре символизирующую его форму.

Интерпретация. Количество выбранных испытуемым объектов мы рассматриваем как проявление степени единства интегральной идентичности и согласованности, входящих в нее самоидентификационных категорий, а также внутренней однородности ценностных ориентаций, на которых базируются социальные практики, зафиксированные в самоидентификационных конструктах субъекта. Свидетельством сформированности этой функции (т.е. центральным признаком высшего уровня ее развития) будет выбор субъектом для расположения всех трех самоидентификационных

категорий одной фигуры, символизирующей единство его самоидентификационных конструктов, интегральную целостность переживания субъектом индивидуальной истории, а также возможность придания ей уникальной, характеризующей именно этого субъекта символизирующей его формы. Второй уровень самоидентификации характеризуется расположением двух самоидентификационных конструктов на гранях одной фигуры, тогда как третий конструкт располагается в ответах этого уровня отдельно. Первый уровень развития данной функции предполагает расположение каждого из конструктов на отдельной фигуре. Подобную ситуацию мы рассматриваем как символическое проявление внутренней рассогласованности интегральной идентичности человека, разнородности ценностных и смысловых оснований компонентов, составляющих самосознание субъекта. Нулевой уровень предполагает невозможность размещения субъектом самоидентификационных конструктов на гранях геометрических фигур.

Испытуемые. Исследовательскую выборку составили 60 человек: экспериментальная группа – 30 человек, страдающих параноидной формой шизофрении (F20.0 согласно диагностическим критериям МКБ-10), находящиеся на стационарном лечении в РНПЦ психического здоровья г. Минска; контрольная группа – 30 человек, работающих на различных предприятиях и в организациях г. Минска. Группы были сопоставимы по возрастным (40 ± 10 лет), половым и социально-демографическим характеристикам. Таким образом, правомерно говорить о *квазиэкспериментальной схеме*, конституирующей дизайн настоящего исследования [32].

Результаты исследования

Количественный анализ данных. Для каждого блока методики (задания I, II и III) было подсчитано количество испытуемых, обладающих определенным уровнем развития процессов самоидентификации (нулевой, первый, второй или третий уровень развития). Результаты представлены в табл. 1.

Анализ данных показывает, что нормальные испытуемые и испытуемые с шизофренией практически не различаются по первому блоку методики ($\chi^2 = 3,19$; $p = 0,36$), что свидетельствует о формально идентичном уровне развития функции становления знака в качестве орудия самоидентификации. У испытуемых обеих групп преобладает третий, самый высокий, уровень развития данной функции. Это значит, что больные шизофренией формально не уступают здоровым испытуемым в возможностях использования знаков, апеллирующих к социокультурным практикам, в качестве орудий самоидентификации.

Второе задание методики направлено на изучение осознания субъектом связей между феноменологией взаимодействия с миром, его реальным и воображенным личным опытом и используемой в качестве орудия самоидентификации категорией. Как показывают результаты, у нормальных испытуемых здесь также преобладает третий уровень развития рассматри-

ваемой функции, тогда как люди, страдающие шизофренией, обнаруживают сформированность этой функции на первом уровне. Различия между группами являются статистически значимыми ($\chi^2 = 33,56$; $p < 0,0001$). Выявленные различия свидетельствуют о существенных затруднениях, возникающих у лиц, страдающих шизофренией, в условиях необходимости ассоциирования событий своей индивидуальной истории.

Т а б л и ц а 1

Процентное соотношение уровней развития самоидентификации у испытуемых в норме и с шизофренией по трем блокам методики

Блок	Уровень	Норма	Испытуемые с шизофренией
Блок I	0	—	10,00%
	1	06,67%	06,67%
	2	10,00%	10,00%
	3	83,33%	73,33%
Блок II	0	—	10,00%
	1	06,67%	63,33%
	2	06,67%	13,33%
	3	86,67%	13,33%
Блок III	0	—	10,00%
	1	46,67%	73,33%
	2	13,33%	03,33%
	3	40,00%	13,33%

Третье задание методики направлено на изучение сформированности интегральной идентичности субъекта. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что существуют статистические различия в сформированности этой функции самоидентификации у нормальных испытуемых и испытуемых с шизофренией ($\chi^2 = 10,58$; $p = 0,014$). Подавляющее большинство больных шизофренией не продвинулись дальше первого уровня, тогда как почти половина испытуемых контрольной группы имеют третий уровень сформированности соответствующей функции. Следует отметить, что крайне слабо представленными оказались также испытуемые со вторым уровнем развития функции внутренней интегрированности самоидентификации. Эти результаты свидетельствуют о несформированности интегральной идентичности у больных шизофренией и могут рассматриваться в качестве экспериментального доказательства данных о фрагментированности идентичности при шизофрении, полученных ранее при помощи других исследовательских методов (прежде всего в ходе наблюдения).

Рассмотрим теперь общий показатель по исследовательской методике. Он вычислялся путем сложения количества полностью сформированных функций самоидентификации. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Процентное соотношение уровней развития самоидентификации у испытуемых в норме и с шизофренией (общий показатель)

Общий показатель самоидентификации (уровень)	Норма	Шизофрения
0	00,00%	10,00%
1	20,00%	56,67%
2	50,00%	26,67%
3	30,00%	06,67%

Статистический анализ показывает, что группа больных шизофренией обладает существенно более низким общим уровнем самоидентификации по сравнению с людьми, не имеющими данного заболевания ($\chi^2 = 14,85$; $p = 0,002$). Так, если у испытуемых с шизофренией выявлены в среднем первый и второй уровни развития самоидентификации, то у представителей контрольной группы преобладают второй и третий уровни развития данного процесса, тогда как нулевой не представлен.

Таким образом, различия в интегральном уровне развития самоидентификации как высшей психической функции между лицами, страдающими шизофренией, и испытуемыми контрольной группы отражают выявленные в ходе исследования различия сформированности каждой из трех функций этого процесса.

Качественный анализ данных

В результате проведенного исследования были выявлены не только количественные, но и качественные различия в осуществлении самоидентификации в исследуемых группах. Проанализируем особенности проявления каждой из функций самоидентификации у больных шизофренией.

Функция становления знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта социальной практики. Испытуемые контрольной группы в качестве ответа на вопрос «кто Я?» чаще всего использовали категории, свидетельствующие о социальном статусе человека (жена, мама, брат и т.д.) либо о выполняемой им деятельности (швея, медсестра, водитель и т.д.). Больные шизофренией демонстрируют формально аналогичные ответы, но характер их предъявления у испытуемых экспериментальной группы совсем другой. Так, в норме каждый ответ сопровождается обдумыванием и пояснением (например, «я долго работаю, следовательно, я могу сказать, что я профессионал»), испытуемый стремится актуализировать глубинные слои своего опыта и «извлечь» оттуда определенные роли. Испытуемые экспериментальной группы, в свою очередь, ответы дают очень быстро, без видимого обдумывания, ограничиваясь минимально необходимым количеством слов (только 15% больных дали больше трех ответов). Как правило, преобладающими типами знаков являются «человек», категории, указывающие на его имя, наименование деятельности, семейное положение. В отличие от испытуе-

мого контрольной группы, размышляющего в контексте категории о своих поведенческих и личностных характеристиках, больной шизофренией либо вовсе не может объяснить выбор того или иного ответа, либо предлагает объяснения, не апеллирующие к его личности и деятельности.

Таким образом, можно сказать, что при шизофрении знак используется формально, существуя в отрыве от содержательного самоопределения субъекта, поэтому стать орудием, которое обеспечит представление *себя* сознанию в качестве целостного субъекта определенной социокультурной практики, знак здесь в полной мере не может.

Функция формирования самоидентификационных конструктов. Испытуемые контрольной группы, ассоциируя индивидуальную историю с самоидентификационной категорией, достаточно подробно рассказывали о событиях своей жизни и раскладывали их в необходимой последовательности: от прошлого – к будущему. Таким образом, складывалась определенная линия, на основании которой испытуемым выстраивался нарратив. Лишь четверо испытуемых контрольной группы не справились с заданием. Они сумели выстроить линию индивидуальной истории, но не сумели при этом выстроить нарратив своей жизни с опорой на объективизированные события.

При анализе результатов, продемонстрированных представителями экспериментальной группы, были отмечены трудности в указании событий будущего, связанных с реализуемой больным социокультурной практикой (соответствующим ей знаком). Так, на вопрос о будущих событиях испытуемые экспериментальной группы отвечают, что оно либо не существует, либо не известно. В дальнейшем при построении «пространственной метафоры жизни», предполагающей распределение событий от прошлого к будущему, испытуемые экспериментальной группы складывают произвольную фигуру или «башню» (в контрольной группе ни разу не встречалось подобное представление пространственной метафоры жизненной истории).

Можно выделить два типа нарративов, которые организуют испытуемые экспериментальной группы: первый характерен для испытуемых, у которых присутствует устойчивый бред, они составляют нарратив в соответствии с содержанием бредовой симптоматики (например, иллюстрируют путь восхождения от простого смертного до человека, приближенного к Богу), второй тип нарративов – абсолютно спонтанный, внутренне не связанный текст. Например, сложную фигуру больной называет трансформером, потому что это его любимая игрушка с детства, он любит технику и хочет конструировать. Другой испытуемый экспериментальной группы в качестве метафоры жизненной истории выбирает пирамиду. Почему пирамида? Ответ: «потому что это пирамида Хеопса, я про нее когда-то читал».

Следует сказать, что память индивида о прошлом при этом остается сохранной, все те знания о себе, которые были у него до манифестации болезни, остаются, но приобретают формальный характер, лишенный индивидуальности и «самоопределяющей значимости». Следовательно, больные действительно могут сообщить, кем они были, могут связать это с

некоторыми событиями прошлого, но построить целостное, логическое повествование оказываются не в состоянии. Называемое событие для них просто факт, который имел место в прошлом. При попытке определить самоидентификационную значимость этого события, включить его в автобиографическое повествование больной выдает бессвязный разорванный текст, как правило дезинтегрированный с данным событием.

Функция формирования интегральной идентифицированности. В контрольной группе эта функция оказалась сформирована у 40% испытуемых. Они располагали все три ответа на одной фигуре, указывая, что все названные роли – это части их личности, а следовательно, должны быть прикреплены к одной фигуре. 46,67% испытуемых располагали ответы на разных фигурах, аргументируя это тем, что та или иная форма лучше подходит под выполняемую ими роль (например, очень многогранная или, наоборот, устойчивая). Таким образом, можно сказать, что на выбор фигуры при недостаточном уровне развития интегрированности самоидентификации определяющее влияние оказывает ее форма. Идея ценностно-обусловленного единства практик и социальных ролей субъекта при этом отступает на второй план.

В группе больных шизофренией с данным заданием справились только 13,33% испытуемых. Выбор той или иной фигуры испытуемые обосновывали здесь по-разному: 30% формально переносили значения предложенных фигур с предыдущего задания, располагая в соответствии с ними ответы (например, прикрепление идентификационной категории к квадрату больной аргументирует следующим образом: «квадрат – это фундамент, это мое прошлое, он стоит в основе всей пирамиды»). Так поступали в основном испытуемые, демонстрирующие устойчивую бредовую симптоматику. Некоторые больные раскладывали ответы рядоположно. Остальные же просто располагали ответы, не давая пояснений (например: «Вы просили расположить вот так, я и расположил»). В данном случае можно отметить проявление формальности, присущей мышлению больных шизофренией, и разорванность их идентичности: больных интересует скорее сам процесс размещения самоидентификационных категорий на фигурах, нежели цель и смысл осуществляемых действий. В этом случае правомерно говорить об актуализации механизма «смещения мотива на цель».

Выводы

1. Функциональная структура самоидентификации включает следующие составляющие: становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию в роли субъекта определенной социокультурной практики; знаково-опосредствованный отбор и ассоциирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории (формирование самоидентификационных конструкторов); обеспечение символически опосредствованного единства в сознании ассоциированных знаком содержания собственного опыта субъекта (его самоидентификационных кон-

структов), а следовательно, и социокультурных контекстов, личностных ценностей, предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с внешним миром.

2. Представители контрольной группы и больные шизофренией не различаются значимо по уровню развития функции использования знака в качестве средства самоидентификации. В обеих группах преобладает третий, самый высокий уровень развития данной функции. Это значит, что больные шизофренией формально не уступают здоровым испытуемым в возможностях использования знаков, апеллирующих к социокультурным практикам, в качестве орудий самоидентификации.

3. Значимыми являются различия между контрольной и экспериментальной группами в развитии функции формирования самоидентификационных конструкторов. Как показывают результаты, состояние этой функции в норме характеризуется преобладанием третьего уровня ее развития, тогда как люди, страдающие шизофренией, обнаруживают сформированность этой функции на первом уровне.

4. Статистически значимые различия выявлены также в сформированности интегрирующей функции самоидентификации. Так, подавляющее большинство больных шизофренией не продвинулись здесь дальше первого уровня, тогда как почти половина испытуемых контрольной группы имеют третий уровень сформированности соответствующей функции. Эти результаты свидетельствуют о несформированности интегральной идентичности у больных шизофренией и могут рассматриваться в качестве специального экспериментального доказательства данных о фрагментированности идентичности при шизофрении, полученных ранее в ходе наблюдений за больными данной категории.

5. Больные шизофренией обладают существенно более низким общим уровнем самоидентификации по сравнению с испытуемыми в норме. Так, если у испытуемых с шизофренией выявлены в среднем первый и второй уровни развития самоидентификации, то у представителей контрольной группы преобладают второй и третий уровни развития данного процесса, тогда как нулевой не представлен. Таким образом, различия в интегральном уровне самоидентификации как высшей психической функции между лицами, страдающими шизофренией, и испытуемыми контрольной группы отражают выявленные в ходе исследования различия в сформированности отдельных функций этого процесса.

6. В ходе качественного анализа были выявлены следующие закономерности самоидентификации у больных шизофренией: больные не могут объяснить выбор самоидентификационной категории либо предлагают объяснения, не апеллирующие к свойствам личности и особенностям ее деятельности; в ходе объективизации самоидентификационных конструкторов у больных шизофренией отмечаются трудности в указании событий будущего, при построении «пространственной метафоры жизненной истории» больные складывают произвольную (нелинейную) фигуру. Можно выделить 2 типа нарративов, которые организуют больные шизофренией:

первый характерен для испытуемых, у которых присутствует устойчивый бред, — они составляют нарратив в соответствии с содержанием бредовой симптоматики, второй тип нарративов представляет собой абсолютно спонтанный, не связанный внутренне текст. Разорванность интегральной идентичности у больных шизофренией усугубляется актуализацией механизма «смещения мотива на цель» при выполнении соответствующего задания.

Литература

1. *Заковоротная М.В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д, 1999. 199 с.
2. *Микляева А.В.* Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы. СПб., 2008. 190 с.
3. *Агеев В.В.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. 240 с.
4. *Гинзбург М.Р.* Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43–52.
5. *Иванова Н.Л.* Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 65–75.
6. *Самошкина И.С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 99–106.
7. *Минюрова С.А., Плеханова Л.Л.* Особенности проспективной идентичности при жизненном самоопределении выпускников вуза // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 52–58.
8. *Малейчук Г.И.* Методики диагностики степени самоидентичности как критерия психологического здоровья // Психологический журнал. 2009. № 4. С. 35–41.
9. *Лукьянов О.В.* Идентичность — элемент транстемпорального мира и фронтэкзистенциального опыта // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 31–35.
10. *Лукьянов О.В.* Тенденции понимания личностной идентичности в системно-антропологическом ракурсе // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 18–23.
11. *Антонова Н.В., Белоусова В.В.* Самоопределение как механизм развития идентичности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2011. № 2. С. 79–92.
12. *Лаппо М.А.* Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4. С. 30–37.
13. *Лаппо М.А.* Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28–32.
14. *Асмолов А.Г., Асмолов Г.А.* От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.
15. *Нуркова В.В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77–86.
16. *Вид В.Д.* Психотерапия шизофрении. СПб.: Питер, 2001. 432 с.
17. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.
18. *Ясперс К.* Общая психопатология: пер. с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.
19. *Кемпинский А.* Психология шизофрении. СПб.: Ювента, 1998. 292 с.
20. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. 504 с.
21. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.

22. *Выготский Л.С.* Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. 400 с.
23. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк: Книга для учителя. М. : Просвещение, 1991. 96 с.
24. *Веракса А.Н.* Особенности символического опосредствования в познавательной деятельности младших школьников : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
25. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. 318 с.
26. *Дьяков Д.Г.* Диалогическая модель самоидентификации, фундированная культурно-историческим подходом // Диалог. Психологический и социально-педагогический журнал. 2014. № 8. С. 32–42.
27. *Дьяков Д.Г.* Ценностные ориентации и самоидентификация личности: феномен кольцевой детерминации в психологии // Науковий вісник Херсонського державного університету. Сер. Психологічні науки. 2014. Вип. 1, т. 1. С. 36–44.
28. *Дьяков Д.Г.* Развитие самоидентификации как высшей психической функции у подростков в норме и с дефицитарным развитием // Психология и педагогика сегодня / под общ. ред. М.Ю. Бурыкиной. Ставрополь : Логос, 2013. С. 140–162.
29. *Мещеряков Б.Г.* Логико-семантический анализ концепции Л.С. Выготского: систематика форм поведения и законы развития высших психических функций // Вопросы психологии. 1999. № 4. С. 3–15.
30. *Кун М.* Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология: тексты. М. : МГУ, 1984. С. 180–188.
31. *Розет И.М.* К вопросу о психологической природе идеалов // Адукация и выхаванне. 1994. № 10. С. 70–78.
32. *Campbell D.T., Stanley J.* Experimental and quasi-experimental designs for research. Wadsworth : Wadsworth Publishing, 1963. 84 p.

Поступила в редакцию 05.05.2015 г.; повторно 12.06.2015; принята 22.06.2015 г.

Сведения об авторах:

ДБЯКОВ Дмитрий Григорьевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой методологии психологических исследований Белорусского государственного педагогического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: Dg_dkv@mail.ru

РАДЧИКОВА Наталия Павловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии и методов психологических исследований Белорусского государственного педагогического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: radchikova@hotmail.ru

МАЛАХОВСКАЯ Евгения Сергеевна, ассистент кафедры методологии и методов психологических исследований Белорусского государственного педагогического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: ledi_darkness@mail.ru

SELF-IDENTIFICATION OF PATIENTS WITH SCHIZOPHRENIA: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE ANALYSIS

Siberian journal of psychology, 2015, 57, 102-123. DOI 10.17223/17267080/57/7

Dyakov Dmitry G., Radchikova Natalya P., Malahovskaya Eugenia S., Belarussian State Pedagogical University (Minsk, Republic of Belarus).

E-mail: dg_dkv@mail.ru; radchikova@hotmail.ru; ledi_darkness@mail.ru

Keywords: self-identification; sign mediation; self-identification functional structure; self-identification construct; integral identity; patients with schizophrenia.

The aim of the current research is to reveal the features of self-identification of patients with schizophrenia. The self-identification structure that includes three functional blocks: the establishment of sign as a self-identification tool, sign-mediating selection and the association of segmental individual story phenomenology (self-identification constructs formation), and providing symbolically mediating unity in conscious personal self-identification constructs is defined. This structure is based on the original normative model that lies in the framework of

cultural-historical psychology. The experimental method of self-identification investigation aimed to revealing the realization of the functional blocks is developed.

The results of comparison of the experimental group (thirty individuals with the paranoid form of schizophrenia, F20.0 in accordance with ICD-10, that are under medical care in Republican Research and Practice Center for Mental Health, Minsk) and a control group (thirty individuals) show that both groups are identical in the level of the functional development of sign usage as the self-identification tool. Both groups are characterized by the highest level of this functional development. The difference in development of the function of self-identification construct formation is found. The control group is mostly characterized by the highest level of its development in contrast to the experimental group which is mostly characterized by its lowest level. Significant difference in the development of self-identification integration function is revealed. The majority of patients with schizophrenia have the lowest level of this function development while almost a half of the control group has the highest level. These results show that patients with schizophrenia have no integral identity. The results obtained can be considered as an experimental confirmation of the earlier obtained data of identity fragmentariness typical for patients with schizophrenia.

A qualitative analysis of the data shows that patients with schizophrenia whether cannot explain a self-identification category choice or give explanations not connected with personal characteristics and their activity specific features. Patients with schizophrenia fail to future forecasting. Two types of narratives produced by patients with schizophrenia can be distinguished. The first type is typical for patients with the stable delirium. These patients produce narratives in correspondence with their delirium content. The second type is absolutely spontaneous and internally incoherent text. The lack of patients with schizophrenia integral identity is worsened by actualization of the “shifting a motive to aim” mechanism when performing the task aimed to this function examination.

Referensis

1. Zakovorotnaya, M.V. (1999) *Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty* [The Identity of Man. Social and philosophical aspects]. Rostov on Don: North-Caucasian Research Centre of Higher School.
2. Miklyaeva, A.V. & Rumyantseva, P.V. (2008) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy* [Social identity of the person: content, structure, mechanisms]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University.
3. Ageev, V.V. *Mezhgruppovoe vzaimodeystvie: sotsial'no-psikhologicheskie problem* [Inter-group interaction: social and psychological problems]. Moscow: Moscow State University.
4. Ginzburg, M.R. (1994) *Psikhologicheskoe sodержanie lichnostnogo samoopredeleniya* [Psychological content of personal self-determination]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 43-52.
5. Ivanova, N.L. (2004) Social identity across cultures. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 65-75. (In Russian).
6. Samoshkina, I.S. (2008) Territorial'naya identichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskiy fenomen [Territorial identity as a social-psychological phenomenon]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 99-106.
7. Miniurova, S.A. & Plekhanova, L.L. (2007) Characteristics of prospective identity in life choices of university graduates. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 52-58. (In Russian).
8. Maleychuk, G.I. (2009) Metodiki diagnostiki stepeni samoidentichnosti kak kriteriya psikho-logicheskogo zdorov'ya [Methods of diagnosis of the self-identity as a criterion of psychological health]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 35-41.
9. Lukyanov, O.V. (2007) Identity as an element of transtemporal world and the front of existential experience. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 26. pp. 31-35. (In Russian).

10. Lukyanov, O.V. (2009) Tendencies of personal identity interpretation in the anthropological approach. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 34. pp. 18-23. (In Russian).
11. Antonova, N.V. & Belousova, V.V. (2011) Samoopredelenie kak mekhanizm razvitiya identichnosti [Self-determination as a mechanism for the development of identity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya - News of Sholokhov Moscow State Humanitarian University. A Series of Pedagogy and Psychology*. 2. pp. 79-92.
12. Lappo, M.A. (2009) Cognitive-discursive nature of self-identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenno universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4. pp. 30-37. (In Russian).
13. Lappo, M.A. (2013) Self-identification: direct, indirect explicit and indirect implicit description of the identity of the speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 372. pp. 28-32. (In Russian).
14. Asmolov, A.G. & Asmolov, G.A. (2010) From We-media to I-media: Identity transformations in the virtual world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. pp. 3-21. (In Russian).
15. Nurkova, V.V. (2004) Rol' avtobiograficheskoy pamyati v strukture identichnosti lichnosti [The role of autobiographical memory in the structure of personal identity]. *Mir psikhologii*. 2. pp. 77-86.
16. Vid, V.D. (2001) *Psikhoterapiya shizofrenii* [Psychotherapy of schizophrenia]. St. Petersburg: Piter.
17. Chesnokova, I.I. (1977) *Problema samosoznaniya v psikhologii* [The problem of identity in psychology]. Moscow: Nauka.
18. Jaspers, K. (1997) *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Translated from German by L.O. Akopyan. Moscow: Praktika.
19. Kempinskiy, A. (1998) *Psikhologiya shizofrenii* [Psychology of schizophrenia]. St. Petersburg: Yuventa.
20. Vygotsky, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works. In 6 vols.]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
21. Vygotsky, L.S. (1983) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works. In 6 vols.]. Vol. 3. Moscow: Pedagogika.
22. Vygotsky, L.S. (1984) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works. In 6 vols.]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
23. Vygotsky, L.S. (1991) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. Moscow: Prosveshchenie.
24. Veraksa, A.N. (2008) *Osobennosti simvolicheskogo oposredstvovaniya v poznavatel'noy deyatel'nosti mladshikh shkol'nikov* [Symbolic mediation in the cognitive activity of younger schoolchildren]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow.
25. Leontiev, A.N. (1983) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works on psychology. In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
26. D'yakov, D.G. (2014) Dialogicheskaya model' samoidentifikatsii, fundirovannaya kul'turno-istoricheskim podkhodom [The dialogic model of self-identity, founded by the cultural-historical approach]. *Dialog. Psikhologicheskii i sotsial'no-pedagogicheskii zhurnal*. 8. pp. 32-42.
27. D'yakov, D.G. (2014) Tsennostnye orientatsii i samoidentifikatsiya lichnosti: fenomen kol'tsevoy determinatsii v psikhologii [Axiology of self-identification: the phenomenon of circular determination in psychology]. *Naukoviy visnik Kherson'skogo derzhavnogo universitetu. Ser. Psikhologichni nauki*. 1 (1). pp. 36-44.
28. D'yakov, D.G. (2013) Razvitie samoidentifikatsii kak vysshey psikhicheskoy funktsii u podrostkov v norme i s defitsitarnym razvitiem [The development of self-identification as a higher mental function in adolescents in case of the norm and deficit]. In: Burykina,

- M.Yu. (ed.) *Psikhologiya i pedagogika segodnya* [Modern psychology and pedagogy]. Stavropol': Logos. pp. 140-162.
29. Meshcheryakov, B.G. (1999) Logiko-semanticheskiy analiz kontseptsii L.S. Vygotskogo: sistematika form povedeniya i zakony razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy [Logico-semantic analysis of the concept of L.S. Vygotsky: the system of behavior forms and the laws of development of higher mental functions]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 3-15.
30. Kuhn, M. (1984) Empiricheskoe issledovanie ustanovok lichnosti na sebya [The empirical study of the individual self-affirmations]. In: Andreeva, G.M., Bogomolova, N.N. & Petrovskaya, L.A. (eds) *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Moscow State University. pp. 180-188.
31. Rozet, I.M. (1994) K voprosu o psikhologicheskoy prirode idealov [On the psychological nature and ideals]. *Adukatsiya i vykhavanne*. 10. pp. 70-78.
32. Campbell, D.T. & Stanley, J. (1963) *Experimental and quasi-experimental designs for research*. Wadsworth: Wadsworth Publishing.

Received 05.05.2015;

Revised 12.06.2015;

Accepted 22.06.2015